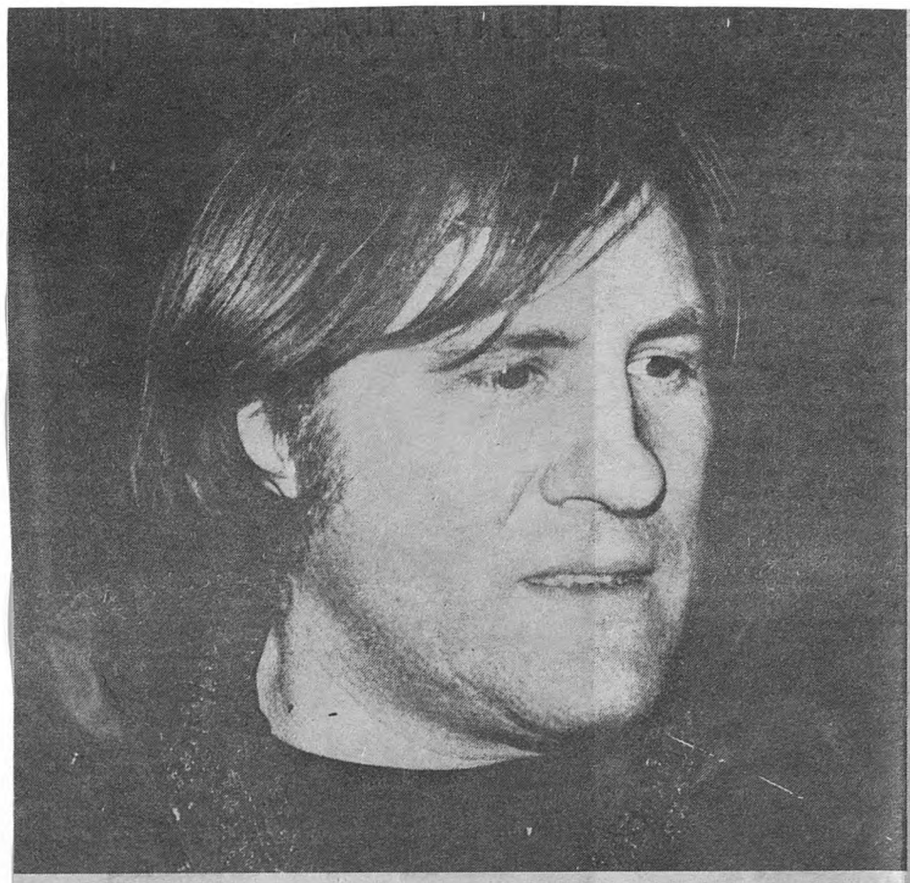

ЖЕРАР ДЕПАРДЬЕ: «Меня тошнит от интервью. Ненавижу отвечать на запланированные вопросы. Я на глазах становлюсь дегенератом. Более того, собеседник тупеет тоже на глазах. О, зрелище со стороны — два идиота тужатся поговорить о высоком».

Жерар ДЕПАРДЬЕ:

«ЭТО СУМАСШЕСТВИЕ — ЕДИНСТВЕННЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ»

ПЕРВОЕ упоминание о Депардье в связи с нашей газетой промелькнуло в «ЭС» одной строкой год с лишним назад—туманное его обещание дать интервью про кино автору этих строк. Тогда «ЭС» слова своего не сдержала, зато потом раздавались в редакции странные международные звонки, и читатели «ЭС» знали: Депардье председательствует в Канне, потрясается русскому кино, кутит напропалую, Депардье имеет виды на Голливуд и любит виноград.

«А чего звонит-то?» — спрашивали меня.

В Париже, год с лишним назад стажируясь в «Кайе дю синема», я мечтала познакомиться с Депардье. Из-за безумной его в том сезоне популярности. Город захлебывался в рекламных плакатах — белые, белые зубы, серые с легким туманом глаза и огромный клубень картофеля на месте носа. Депардье только что снялся в лирической мелодраме «Мой папа — герой», закончил сниматься в исторической новелле «Все утра мира» и готовился к съемкам американского «Колумба». Сама я, как ни напрягалась, не могла вспомнить, что же я видела с Депардье, кроме шедевра Трюффо «Соседка» и «Прощай, самец» Феррери.

«Он стал дико капризен,— предупредил меня мой французский шеф Мишель Паскаль.— Ни с кем не встречается. Кажется, из-за этой истории с «Оскаром».

(По миру катился, обрастая, снежный ком сплетни: когда-то кого-то Депардье изнасиловал... Красивая фигурка американского «Оскара», блеснув, ускользнула из-под картофельного носа сыгранного им Сирано...)

Москва. (Личная беседа). Депардье: — Это чушь. Но я был в шоке. «Сирано» тянул на «Оскара», мне же ничего не дали. Это злая шутка в стиле американцев.

— Но вы после этого стали капризны...

— **Я всегда был капризен, как раненый цветок.**

В один из вечеров господин Ширак с супругой принимали в городской мэрии братию актеров и братию критиков. Шеф «Кайе дю синема» Тьерри Жюс пригласил меня с целью полного с головой погружения в специфическую среду парижской элиты.

Депардье пришел «в гости к мэру» с собственной средой. Локтями и животом на столе, один как солнце, или как гора, или как бельмо на глазу ухоженного общества, он торчал за своим столиком, потусторонне чуждый веселью и изыску.

— По-моему, он просто спит,— предположил Тьерри,— с ним это бывает в местах, где нет свежего воздуха.— Но все же обратился к нему,— Жерар, о чем вы думаете?

— Думаю, что глупое я животное. Почему я не учил в школе английский?

Тьерри засмеялся, а в ответ ему грохнул Депардье, и через секунду щебечущий зал замер, господин Ширак прервал свой разговор с женой. Я не присутствовала при обвале в горах, но догадываюсь, на что это похоже.

— Депардье сломал скорлупу и вышел к нам,—констатировал Тьерри после того, как Жерар отсмеялся и глаза его, нагнавшие туману, потемнели и потеплели.— Здравствуйте, Шерар!

«Этот Депардье — сущее чудовище и хам,— шепотом сказала секретарша «Кайе»,—он тут как-то ввалился к нам всей громадой, да как заржет...»

Москва. (Личная беседа).

— Вы бываете сущим чудовищем. Жерар...

— **А ты не бываешь? Помнишь моего героя из «Прощай, самец»? Он выгоняет любимую девушку, когда узнает, что она ждет от него ребенка. Он говорит, что это не его ребенок. А потом крысы съедают его обезьянку, и он с горя идет и сжигает себя, истребляет физически. Какое высокое родство душ разной породы: человеческого дитя и дитя обезьяны. С одной стороны — он чудовище. А с другой — нежен, как самый любящий отец на свете. Какая комбинация!**

...А потом был день, когда гнусно моросило еще с ночи. Город Париж потускнел и склонил мокрую голову под напором северного ветрилы. На съемочной площадке Версаля доделывались эпизоды из «Всех утр мира». Депардье про договоренность с корреспондентом русской газеты, вероятно, не забыл, ибо он вовсе не удивился моему невзрачному промокшему явлению, но, наверно, до последней минуты надеялся, что, даже если я рискну высунуть нос на улицу, то меня смоет по пути стихия. По крайней мере на лице у него совершенно искренне были написаны именно эти предположения.

Кого он мне тогда напомнил? Гора, облаченная в средневековый бархат, окруженная странными романтическими призраками отшумевшего блистательного века, мрачно возвышалась на фоне серого мира. Через грязь и диковинные декорации, готовая к любой немилости и слегка зачарованная странными своими фантазиями, я шла к подножию горы. Теперь-то точно знаю, кого напомнил мне в эту минуту Депардье: государя гондорского Арагорна из романа Толкиена, английский язык которого не выучил в колледже Депардье, отчего и страдал, приступая к съемкам американского «Колумба».

— Пришли? Слушай, а почему русской газете не выбрать Делона Я-то его обожаю. Ладно. Зря я надеялся сегодня нажраться.

«Депардье дико любопытен: он вам ничего не скажет и вас обведет вокруг пальца,— говорил Тьерри Жюс.— Сам же выпытает у вас все, что его интересует, все жилы из вас вытянет, если вы вообще его заинтересуете. Это самая что ни на есть крестьянская хитрость».

Москва. (Личная беседа)

— Вы хитры по-крестьянски, Жерар?

— **Хитер? Я просто крестьянский человек со всеми вытекающими из этого следствиями для характера. Это материя, из которой я сшит.**

Мы ехали куда-то к черту на кулички, и только из-за того, что там готовили обожаемые Депардье «горючие коктейли». «Бар для алкоголиков и проституток»,— сказал Депардье Потом никто не мог мне сообщить что-то более вразумительное об этом баре «Сигаль» («Стрекоза»). Никто там никогда не был. Может, это и вправду у черта на куличках? «А, может быть, это вообще тебе привиделось?» — спросил мой парижский друг. Да, но магнитофонная-то кассета осталась...

Депардье в городе, наполненном водой, чувствовал себя как рыба. Он крутил руль огромными своими ручищами и, нисколько не стесняясь полузнакомой особы, распевал матросские песенки и страшно ерничал в мой адрес: «Говорить с девушкой про кино — то же, что обсуждать со старой девой подробности первой брачной ночи Бессмысленное занятие».

Потом вдруг замолчал: то ли задремал за рулем, то ли отправился в собственную скорлупу, и дела ему не стало ни до города, ни до человечества, ни тем более до моего интервью про кино.

«Талантлив Депардье или просто популярен по причине своей везучести? Время решит. Пока что он в пятерке сильнейших». Журнал «Пари-матч», октябрь 1991 года.

Москва. (Личная беседа).

— Вы талантливы или везучи?

— **Я себе интересен.**

В баре, где, слава Богу, никого не было, я сразу же поставила между нами включенный диктофон, а Жерар, навалившись всей своей талантливой и везучей массой на стол, предложил мне:

— Давай разыграем этюд.

— **Этюд!**

— Ну да, ты забудешь, что я Депардье, который обязан тебе нести какую-то чушь о творчестве, и что ты — журналистка. Ты просто женщина, которая мне все про себя расскажет. Все. Понимаешь, человеческий организм не очень сложная штука. В нем только несколько десятков механизмов. Они, сочетаясь между собой, дают разные комбинации. Понимаешь? Вот, например, одна из них. Человек всегда рвется перерасти самого себя. Он стремится к свободе или испытывает дикое желание обладать каким-то конкретным человеком, наперекор всем обстоятельствам. Или пробует перевоплотиться в другой образ. (Это мания актеров). Или пытается написать гениальный роман. Природа оставляет в человеческом организме пустоты. Их громко называют потенциальными возможностями личности! И человек рвется их заполнить. Лучше всего это удается людям искусства. Кино, музыка, театр предлагают сумасшедшие количества вариантов заполнения пустот и перепрыгивания через собственную голову. Это верный путь к самосожжению до срока. Но это сумасшествие — единственный смысл жизни. Мне нравится вычислять различные комбинации человеческой личности. Сыграй со мной в эту игру: расскажи про себя какую-нибудь очень личную историю Не бойся, как бы она ни оказалась банальна, я не посмею смеяться. Я просто вычислю твои потенциальные возможности. Пойми, всякая ситуация условна — это просто способ заполнить пустоты, оставленные тебе природой.

И мы с ним разыграли этюд. И он остался на магнитофонной кассете. Я не расшифрую нашу беседу даже для самых близких друзей. Да, она мало кого может заинтересовать: в ней просчитываются «комбинации» моей собственной персоны. А Депардье...

Кое-какими его удивительными наблюдениями я поделюсь

— Многие режиссеры снимают женщин, с которыми они были близки. Создается впечатление автобиографии: режиссеры идут по когда-то проторенной дорожке. Есть женщины, пусть даже непроходимые дуры, которые до невозможности интуитивны. Интуиция — награда природы за глупость Еще точнее — природа не уважает в женщине ум. Она дает взамен интуицию. Это большее богатство, чем потуги дамы стать политиком—женщиной от головы Режиссеры часто выбирают женщин-кошек. Катрин Денев, например, кошка. Женщина должна быть кошкой и для любимого мужчины. Вот лично ты, кажется, не сможешь, и в этом твой просчет. Ты не женщина в природном смысле этого слова. Кошка знает точно, как вести себя в любой ситуации. Кошка — лучший советчик мужчине, а если она актриса, то — режиссеру. Она уточняет сюжет лучше, чем он.

— Из человека надо суметь выудить самое в нем ценное: профессия не всегда самое ценное в нем. Не стоит спешить говорить с режиссером о фильме, с актером о роли.

— Я ненавижу любую форму насилия. Это превратное и опасное понимание идеи человеческой свободы. Насилие пробует разрушить замысел природы — божественный замысел. А борьба с Богом бессмысленна. Человек не имеет права насиловать даже себя. Путь к самосовершенству лежит только через постижение и никак через разрушение. Мы это понимаем очень поздно и уже ничего не успеваем исправить.

— Нельзя иметь все, что хочешь. Жизнь — сплошной выбор. Иногда стоит отказаться от большего, чтобы раньше времени не потерять все. Лично я этого, правда, сделать не могу.

«Он безумно искренен, Депардье, — говорила мне первая жена Франсуа Трюффо Мадлен Моргенстерн, — Трюффо узнал его как следует только после окончания съемок «Соседки». На премьере фильма Жерар рыдал в голос».

Москва. (Личная беседа).

— Вы искренни, я так и не поняла?

— **Да, после смерти родителей. Это самое большое потрясение в моей жизни. После их смерти я стал гораздо откровеннее. Я боюсь что-то недоговорить своим близким. Что-то важное.**

Больше мы с Депардье в Париже не встречались. Говорили, что он уехал за границу. Я, правда, видела его на похоронах Ива Монтана: он плакал, и я к нему не подошла.

А потом несколько раз он звонил в Москву, в редакцию «Экрана и сцены» — вроде бы просто так, но каждый раз именно в тот момент, когда мне не хватало ни стойкости духа, ни душевного равновесия С большим скепсисом реагировал на мое желание превратить каждую его реплику в прецедент для интервью.

«А чего звонит-то?»—спрашивали меня. А просто так.

«Жерар такой большой, с ним очень трудно разговаривать», — сказала пятилетняя дочка моего парижского патрона, как можно шире разводя руками.

Москва. (Личная беседа).

— Вы собираетесь сыграть Распутина? Расширяете свое амплуа?

— **Я его давно нашел. Я трагик.**

Талант — материя, плохо поддающаяся осязанию на ощупь. Талант Депардье плохо поддается вдвойне. Он такой большой, этот Жерар! За ним надо ходить сутками с диктофоном и смотреть, не меняется ли цвет его глаз, а значит, и состояние души.

Я взялась писать о нем, но, кажется, так и не постигла великого комбинатора. И я пыталась раскладывать его личность на составные крупинки, но при попытке охватить их пером они ускользали, как бисеринки ртути Бессмысленное занятие.

А на приеме в посольстве Франции в Москве мой Депардье был так скромен, так сдержан и молчалив, так, с позволения его картофельного носа, скажу, изящен и в походке, и в суждениях, что это был как бы и не он. И глаза, не пропускающие и не выпускающие свет — никаких комбинаций жизни. Депардье ушел от нас в скорпулу.

Мне, правда, о нем насплетничали на приеме: а Жерар-то суеверен Одни и те же костюмы он перетаскивает из фильма в фильм. И дома рядится все чаще в свой съемочный реквизит. А близким гостям предлагает надеть то куртку Сирано, то шляпу Колумба, верит в талисманы!

Меня он все-таки огорошил. В новогоднем интервью «Экрану и сцене» Депардье сказал, что, видите ли, мечтает стать виноградарем. На деле оказалось: в его Шато де Тинье существует виноградник в 27 гектаров, ежегодно производящий 60 тысяч бутылок восхитительно ароматного красного вина. Причем две тысячи бутылок экспортируется в Америку. И по собственному признанию Депардье, вино он делает, как и кино, с неподражаемым пиризмом!

Я прямо рот раскрыла: а чего же вы мне по телефону голову морочили?

— А ты уж вообразила, что все обо мне знаешь.

И Депардье засмеялся: камнепад обрушился на мою голову.

О своей внешности он как-то сказал коротко:

— Похожего на меня человека встречаю редко. Когда смотрюсь в зеркало и общаясь с сыном Гийомом.

Натэла МЕСХИ.

Фото Алексея Белянчева.